

Ольга Злотникова

Как детский шарик золотой

* * *

с камнем в груди и дитём на руках,
кто там сегодня башкой в облаках,
сам на себя не похожий?

кто на Твоём ежедневном посту
даже себе самому не пастух,

кто там сегодня стоит на мосту
с содранной кожей?

кто умалется день ото дня,
кто там ревёт ревмя?
Господи, это я.

не покидай меня.

* * *

я не помню, не помню, какие сегодня
с утра глаза надела,
и смотрю чужими, как осень длится,
идёт четвертая её неделя,

вспыхивают и отлетают листья,
вспыхивают и ускользают лица,
и пока в моей сердцевине,
в сердце женщины-яблока,
зреет семечко,

чужие мои глаза
не видят моего сына,
не говорят *спасибо*.

дрогнет ветка, глухо-глухо
оземь ударится спелый плод,
и станет совсем тихо.

чужие мои глаза, вот я перед вами,
здесь, на земле,
человеком беременной,
кто помолится обо мне?

* * *

кто нищ, как рассветный двор,
заметённый листвой,
блик на воде, лик Твой затаённый,
но светлый, светлый
и распахнут,

с дарами иными приходит:
горчайшее ничего
кладёт на грудь, как младенца
белая акушерка,
в нём неба могилы и взгорья.

теперь, говорит, качай
всю эту пажить большую, живую.
и что же? качаю,

древнюю припоминая
то ли колыбельную,
то ли обрывки заутрени,
пока ночь не отступит.

* * *

с каждой смертью
прозрачнее становишься сам,
просвечиваешь насквозь
эту свою пустоту,
ищешь и не найдёшь:
человека вынули, и он внутри тебя зияет,
как бы на другом конце провода
говорящая простота.

тоскуешь не по времени даже,
не по плоти — по общей утробе
света в каждом счастливом слове,
по его воробьиной храбрости,
детской нежности,
или как вы сидите на кухне за полночь,
родными голосами поёте.

* * *

в голод вещей простых,
как дым или дом на горе
вдуваешь жизнь, вдыхаешь свет,
сгустки крови и плоти земной,
спрашиваешь: кто ты, с кем ты?
постой со мной

и как прорастают лица
ростками, цветами
так нам ещё предстоит случиться
пройти забытыми, детскими своими местами

вот дом, вот дым, ветряки за холмами
флоксы и мальвы
и те, кто незримо идут за нами,
придут за нами,
пройдут над нами

* * *

если ты тоже исчезнешь
в нехватку уйдёшь, из которой возникла
останется тело окна на двоих
его вещество со следами дыханья
его слепота и моя слепота
как друг подле друга
две трудные правды
его нагота и моя нагота
как друг перед другом два тела чужих

и всё же есть чаша терпенья на память
о той простоте, из которой открылись
моление вещи и птицы
объятие капель и утра
высокий неслышный полёт
над светлую пажитью снега
и этот младенческий взгляд
на всякой светящейся кроне

и памяти смертной живой мотылёк
на тёплой, чуть влажной ладони

* * *

чистописание, смиренье,
бытописание в тесноте.
а помнишь — обхватив колени,
на детском стуле, без затей

о чём-то думаешь неважном,
краеугольном и живом,
как будто клеишь дом бумажный,
как будто шьёшь иглой портняжной
себя — крестообразным швом.

и заполняешь дом зверями,
кроватьку каждому и стул,
пока плывёт к оконной раме
садами, парками, дворами
глухой, волнообразный гул.

и населяешь дом теньями,
молочным ужасом любви.
а тело линии меняет,
не приходя во взрослый вид,
и лето в обморок стоит.

потом во вдавленном пространстве,
под медленной большой пятой,
всё так же думаешь о разном,
как будто бы в обхват прекрасном,
как детский шарик золотой,
и мир садится как влитой

на узаконенное тело,
сцепленье, угол и обрыв,
а тело слушать расхотело,
а тело в небо улетело,
своё учение отбыв.

чистописание, смиренье,
игра в себя, без дураков.
потом меняешь оперенье,
разметку, ракурс, угол зренья,
и был таков.